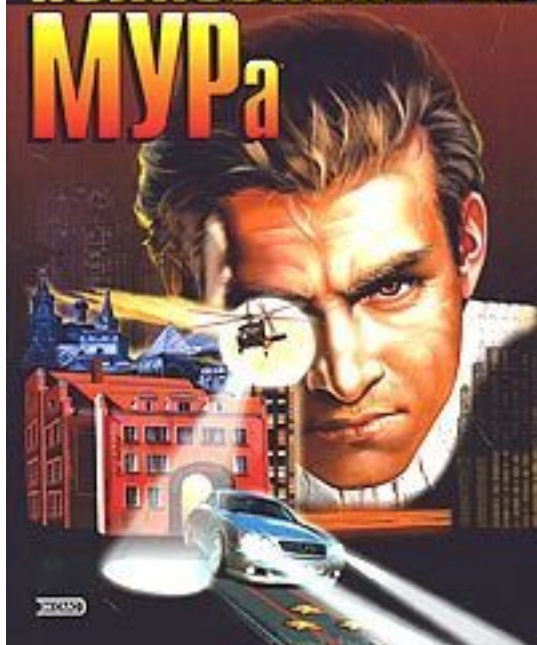

НИКОЛАИ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

ПОЛКОВНИКИ ИЗ

МУРА

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов
Полковники из МУРа
Серия «Полковник Гуров»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120570

Аннотация

Это убийство произошло чуть ли не на глазах полковника Гурова: человека в белом костюме буквально изрешетили пулями. Злополучный белый костюм и стал той деталью, за которую ухватились полковники-сыскари Гуров и Крячко. Ведь это уже не первая жертва, облаченная в столь приметный прикид. Что стоит за этим? Кто играет в такие жестокие и бессмысленные на первый взгляд игры? Чтобы узнать это, одному из бывалых оперов придется надеть белоснежный костюм и погулять по вечерним улицам...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	46
Глава 5	57
Глава 6	67
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Николай ЛЕОНОВ, Алексей МАКЕЕВ

Полковники из МУРа

Глава 1

– Какой идиот поставил здесь машину?!

Голос был на редкость раздраженный, в нем легко угадывались начальственные нотки, которые немного странно было слышать на вечерней улице, где, вообще-то говоря, все имеют равные права на свой клочок тротуара. Однако голос продолжал выражать свое неудовольствие, и Гуров почему-то сразу догадался, что неудовольствие это направлено в его адрес.

Возвращаясь домой из главка, Гуров внезапно вспомнил, что жена просила купить кое-что из лекарств. У него был целый список, но из всех мудреных названий в голове отложился один «мезим» – наверное, потому что это средство то и дело рекламировали по телевизору: «Мезим для желудка незаменим!»

Сам Гуров не очень-то верил в силу телевизионного мезима, но его назначил врач, а с врачами Гуров не спорил, тем более когда дело касалось близкого ему человека. Увы,

болезнь не обходит стороной даже известных людей. Мария Строева, ведущая актриса одного из московских театров, красивая и талантливая женщина, оказывается, тоже ходит по врачам и пьет лекарства! Вряд ли во что-то подобное могли поверить ее многочисленные поклонники, но Гуров не поверить не мог – жена всегда рядом с ним, а не только в минуты торжества.

О своем внезапном недомогании Мария говорила с иронией, в свою очередь ссылаясь на внедряемые телевидением стереотипы, и объясняла Гурову, что проблемы со здоровьем у нее возникли по той же причине, что и у известной певицы с экрана, – репетиции, презентации, ешь нерегулярно и все такое прочее... Одним словом, врачи взялись за свое дело всерьез, и Гуров получил заказ на лекарства.

Выполнение заказа заняло не более двадцати минут, и Гуров, чрезвычайно довольный тем, что все вышло так гладко и без проблем, с пакетом в руках вышел на улицу. Здесь его и настиг раздраженный начальственный крик.

За стеклянной дверью аптеки горел яркий молочный свет люминесцентных ламп, а в той стороне, откуда раздавался голос, было темновато – поэтому Гуров не сразу разобрал, кто кричит. Но, как уже было сказано, предчувствия навели его на не самые приятные мысли. Он поспешно зашагал к своей машине, которую оставил метрах в двадцати от аптеки.

Никакой особой вины за собой он не чувствовал – разве что впопыхах лишнего заехал передним колесом на тро-

туар, – но ведь это не смертельно.

Это самое «впопыхах» объяснялось очень просто – угрызениями совести, которые охватили Гурова, когда он едва не забыл о данном ему поручении. Если бы он явился домой усталый, довольный, но без лекарств – это было бы чудовищным проколом. А это вполне могло случиться, потому что до сего дня у Гурова совершенно не было никаких навыков в покупке лекарств – это занятие не имело, так сказать, прецедента в его практике. Правильный образ жизни и привычка держать себя в ежовых рукавицах пока что позволяли ему обходиться без проблем со здоровьем, хотя ловить преступников – занятие не менее нервное, чем играть на сцене. Гуров очень переживал за жену, но все же не слишком ясно представлял себе, что значит болеть, и это тоже смущало его.

Но если с лекарствами Гуров мог дать маху, то во всем прочем интуиция редко его подводила. Вот и теперь, приблизившись к своему «Пежо», стоящему действительно немного вызывающе и даже слегка – самую малость – перегораживающему выезд из ближайшего проходного двора, Гуров убедился, что речь идет именно о нем.

Речь велась от лица некоего весьма озабоченного милицейского лейтенанта, взъерошенного, сердитого и низкорослого. С высоты своих ста восьмидесяти сантиметров Гуров взирал на служителя порядка, как Гулливер на разгневанного лилипута: смущенно, но без особого страха. Тем более что реакция лейтенанта была заведомо неадекватной случивше-

мусья. Рядом стояло не меньше десятка машин, и, в принципе, к каждой можно было придраться. Но лейтенант зацепился за «Пежо» Гурова и так неистовствовал, словно в следующую минуту намеревался силой выдворить машину с занимаемого ею места.

– Ваша машина, я спрашиваю? – завелся он, усмотрев приближающуюся из полутьмы фигуру Гурова. – Вы поставили? Что, язык отнялся? – При этом он звучно поколачивал ладонью по капоту «Пежо», будто перед ним была груда бесполезного металлолома, и ничего больше.

– Увечить чужое имущество – дело нехитрое, – добродушно заметил Гуров. – Остынь, брат! Что-то ты не по делу расшумелся? Какая тут у нас проблема?

Маленький взъерошенный милиционер чуть не захлебнулся от возмущения. Он как воробей подскочил к Гурову и дерзко задрал вверх голову – лицо у него было невыразительное и рябое, только глаза сверкали негодующим огнем.

– Ты с кем? – выдохнул он. – Ты с представителем власти разговариваешь! Да я тебя... Документы!..

Гуров удивленно покачал головой, не спеша отпер автомобиль и положил на сиденье пакет с лекарствами. Вот из-за таких артистов люди сочиняют анекдоты про милицию. И чего он так нервничает? Дело самое простое, яйца выеденного не стоит. Такое впечатление, будто под эту арку через минуту правительственный кортеж въехать должен, не меньше.

Так же не спеша Гуров повернулся к лейтенанту, достал

из кармана свое удостоверение, протянул в раскрытом виде. Случилось примерно то, чего он и ожидал, – у лейтенанта слегка отвалилась челюсть, а Гуров испытал мелочное удовлетворение – как ребенок, в руке у которого лопнул большой мыльный пузырь.

– Виноват, товарищ полковник! – угрюмо сказал враз при- тихший лейтенант и откозырял Гурову с превеликим почтением. – Обознался. Больше не повторится!

– Что именно не повторится? – поинтересовался Гуров, пряча в карман удостоверение. – Своих трогать не будешь или вообще нарушений не станешь замечать? Ведь я что-то нарушил, по твоему мнению, верно?

Лейтенант затравленно оглянулся. Теперь ему хотелось побыстрее исчезнуть.

– Я в том плане, что ваша машина не совсем удачно... – туманно пояснил он. – Типа, мне показалось, что может препятствовать выезду-въезду... Извиняюсь, ошибся! Разрешите быть свободным?

– Странный ты, брат! – заметил Гуров. – Так все-таки нарушил я или нет? Если нарушил – что же ты сразу в кусты? Или ты старших по званию не штрафуешь? А если не нарушил, для чего весь этот шум? Ты ведь, лейтенант, в настоящий момент и в данном месте олицетворяешь собой все органы правопорядка, а шумишь, как пьяный сторож на базаре! Эдак не годится...

– Виноват! – повторил лейтенант, нервно оглядываясь.

«Чего он башкой все крутит? – подумал Гуров, приглядываясь к милиционеру. – Не нравится мне он, действительно, странный какой-то... Ладно бы еще мешочников гонял на Казанском вокзале – понять можно было бы. А в центре Москвы орать на владельца «Пежо» – себе дороже. Что, собственно, и подтвердилось».

– То-то что виноват, – назидательно сказал Гуров. – Только представитель власти неизменно должен быть образцом корректности и вежливости – или в школе милиции теперь этому не учат? Кстати, вежливость требует, чтобы и ты мне свои документы показал – должен же я знать, кто меня облял...

Лицо лейтенанта исказилось судорогой. Он в который раз уже оглянулся по сторонам и с видимой неохотой полез в карман за документами. Гурову показалось, что он даже приплясывает на месте от нетерпения.

Однако документы у парня оказались в полном порядке – теперь у Гурова не оставалось никаких сомнений, что он и в самом деле имеет дело с автоинспектором Сиволаповым Игорем Владимировичем. Гуров наконец-то и машину его приметил – она стояла чуть дальше у поворота в переулок с приоткрытой дверцей.

– Ладно, Игорь Владимирович, – сказал Гуров, возвращая документы владельцу. – Будем считать, что сыграли вничью... Ты меня пристыдил, я тебя – теперь давай разойдемся миром. Только на будущее учти, что я тебе сказал: милици-

онер должен быть строг, но справедлив. А главное, старайся разговаривать без крика – не к лицу человеку с погонами...

– Больше не повторится, товарищ полковник, – уныло пообещал Сиволапов.

Глядя на его замкнутое неприветливое лицо, в это обещание было трудно поверить, но Гурову больше не хотелось тратить время на совершенно незнакомого ему лейтенанта. Он устало махнул рукой и сел в машину. Отъезжая, он еще успел увидеть, как Сиволапов торопливо уходит под ту самую арку, выезд из которой он так усердно отстаивал.

Гуров покрутил головой и усмехнулся. Если этот служака надеялся своим напором выколотить с владельца «Пежо» мзду, ему определенно не повезло. Как говорится, сегодня был не его день, а вернее, вечер.

Объехав квартал кругом, Гуров выбрался на Неглинную и прибавил газу. Мысли его опять вернулись в прежнее русло. Он принялся размышлять о жене, о прогнозах врачей и попутно о неумолимом течении времени, которое, хочешь не хочешь, все сметает на своем пути.

И вдруг где-то совсем недалеко, за ближайшими домами, раздались выстрелы – беспорядочная разномастная пальба, похожая на ту, которую так любят режиссеры голливудских боевиков. Определить точно на ходу, где стреляют, было невозможно, и Гуров поспешно затормозил, прижавшись к тротуару.

Он опустил стекло и прислушался. Прохожие, шедшие по

улице, приостанавливались и делали то же самое. На лицах была написана неподдельная тревога – давно прошли времена, когда стрельба на улицах могла вызвать лишь недоуменное любопытство. Теперь и ребенку было прекрасно известно, что стрельба – это реальная опасность.

Но больше не прозвучало ни одного выстрела. Зато прохладный вечерний воздух вдруг пререзал отчаянный женский вопль. Он приближался, и через мгновение из какого-то двора выскочила насмерть перепуганная женщина. Она кричала, не останавливаясь.

– Помогите! Человека убили! – услышал Гуров. – Помогите!

Гуров перебрался на правое сиденье и, проведив сквозь зубы свое любимое: «Вот попали, на ровном месте да мордой об асфальт!», повернул ручку дверцы.

Женщина почему-то сразу бросилась к нему, минуя всех любопытствующих, попавшихся на пути, – должно быть, ее вело безотчетное, но безошибочное чутье. Она с разбегу вцепилась обеими руками в его пиджак и заговорила плачущим голосом:

– Сделайте же что-нибудь! Скорее! Там человека убили!..

Гуров осторожно взял ее за тонкие запястья и негромко, но внушительно сказал:

– Немедленно успокойтесь! И объясните толком, в чем дело!

Его уверенный тон подействовал. Женщина разжала паль-

цы и жалобно посмотрела Гурову в глаза. Даже в неярком свете фонарей было заметно, как она бледна.

– Что произошло? – спросил Гуров. – Вы – свидетель? Где это – показывайте!

Рядом начинала собираться толпа любопытствующих. Гуров поспешил увести женщину – он не считал, что любую работу лучше делать сообща.

В темную арку за ними никто не рискнул последовать. Да и сама женщина, кажется, не очень-то хотела туда возвращаться. Гурову пришло в голову, что он напрасно не носит с собой табельное оружие – что там ни говори, а на улицах с каждым днем становится все опаснее. Здесь не Лондон, где авторитет и традиции позволяют полицейскому обходиться силой убеждения.

Однако они все-таки прошли во двор, и обнаружилось, что оружие Гурову в этот раз не понадобится. Во дворе было довольно светло. Возле домов толпились возбужденные жильцы, а самые отчаянные из них собрались в дальнем конце двора под фонарем. Судя по тому, как звучали голоса, все самое страшное уже случилось.

Придерживая пошатывающуюся женщину за руку, Гуров подошел ближе. Она покорно следовала за ним, испуганно помаргивая. Теперь она упорно молчала, словно набрав в рот воды.

– Что здесь происходит, товарищи? – спросил Гуров официальным уверенным тоном.

Галдеж разом смолк, и толпа расступилась перед Гуровым. Поймав на себе парочку недоверчивых взглядов, Гуров второй раз за вечер продемонстрировал свое удостоверение.

– Старший оперуполномоченный Гуров, – представился он. – Так что же все-таки... – Он невольно осекся, потому что вдруг увидел труп.

Убитый лежал под ногами зевак, похожий на большую тряпичную куклу, измочаленную и грязную. Это был мужчина, одетый странно, не по сезону: хотя в воздухе вовсю уже пахивало осенью, на нем красовался светлый, почти белый костюм, более уместный где-нибудь на солнечном пляже, а не в проходном дворе в центре Москвы. Правда, белизна этих одежд теперь была относительной – на спине, на рукаве и еще во многих местах костюм был покрыт страшными черными пятнами, в которых без труда угадывалась кровь. Кровавый след тянулся куда-то в сторону по асфальту – но куда именно, Гурову мешали рассмотреть ноги окружающих мертвеца зевак.

Он вздохнул: вот и рассуждай здесь о дактилоскопии, экспертизе и прочих премудростях – все затоптано и запутано, а показания свидетелей наверняка составят не меньше десятка взаимоисключающих версий.

– Товарищи, – проникновенно сказал он. – Давайте разойдемся! Не театр все-таки! Освободите место происшествия! Пусть останутся те, кто что-нибудь видел...

Толпа неохотно подчинилась, образовав вокруг окровав-

ленного тела пятачок свободного пространства. Гуров присел возле убитого и дотронулся пальцами до его шеи. Это была чистая формальность – он не сомневался, что перед ним именно убитый. Как Гуров и предполагал, пульса не было. Да и рваные следы от пуль на светлом пиджаке недвусмысленно указывали на смертельный характер ранений. Здесь все было кончено.

Гуров поднялся, посмотрел вокруг.

– Милицию кто-нибудь вызвал?

– Ага. И «Скорую», – подтвердил какой-то мужчина в свитере и джинсах. – Женщина одна тут побежала звонить. Так они пока приедут...

– Приедут! – отрезал Гуров. – Так что все-таки произошло, может кто-нибудь внятно сказать?

– Я видел! – подскочил лысоватый, коротконогий мужчина в мятом пиджаке, похожий на пенсионера-бухгалтера. – Я тут с Тимуром вышел... Тимур – это собака у меня, ротвейлер... Нынче ведь такие времена – без собаки нельзя, если хочешь жив остаться!

– Ага, поможет тебе твоя собака, когда по тебе из пары стволов вот так саданут!.. – презрительно откликнулся из толпы парень в куртке-косухе.

– Из стволов – не знаю, – сухо ответил «бухгалтер». – Но мне с моим Тимуром спокойнее...

– Не отвлекайтесь, товарищи! – попросил Гуров. – Время дорого.

– Так вот я и говорю, – продолжил мужчина. – Вышел я с Тимуром. Сначала мне ничего вроде такого не показалось... Но вдруг вижу – какие-то подозрительные типы по двору мечутся, вроде ищут кого-то...

– Что за типы? – спросил Гуров. – Сколько их было? Как выглядели?

– Подозрительно выглядели, – упрямо сказал свидетель. – Суетились, как спецназ в кино. Я, грешным делом, подумал, может, у нас тут антитеррористическая операция проводится?.. Может, ваши кого ловят, то есть...

– На бандитов они были похожи, вот что! – перебил его высокий строгий мужчина в очках. – На самых настоящих бандитов, уважаемый! Я ведь их тоже сразу заметил – человека четыре их было. И они действительно кого-то искали. В руках у них что-то вроде свертков было. А вот насчет внешности – не скажу. Неброско они были одеты, как бы по-спортивному, а лиц не разглядел, честно признаюсь...

– Ну ты, дорогой, сказал! – фыркнул «бухгалтер». – На бандитов похожи! Да сейчас не отличишь, кто они – бандиты или наоборот... – он посмотрел на Гурова и сконфуженно умолк.

– Это мы потом разберем, кто на кого похож, – пообещал Гуров. – Давайте-ка пока ближе к делу.

– Ближе всех к делу, между прочим, я был! – вдруг уверенно заявил парень в куртке-косухе. – Я этого... ну, в общем, я его еще видел, когда он во двор заходил. У меня тут

знакомая одна живет. Я вообще-то к ней приходил, но ее дома не оказалось. Я решил перекурить во дворе – вдруг, думаю, зайвится... А тут он. Я на него сразу внимание обратил. Потому что он, во-первых, весь в белом, как принц Уэльский, а во-вторых, он все время оглядывался...

– То есть он скрывался от кого-то? – уточнил Гуров.

– Не стану врать, – сказал парень. – Сначала я так не подумал. Держался он спокойно, шел не торопясь... Только все головой по сторонам вертел.

«Совсем как лейтенант Сиволапов, – неожиданно подумал Гуров. – Кстати, а ведь аптека совсем рядом! Нужно посмотреть, нет ли выхода в тот переулок...»

– Зашел он в тот дом, где моя подруга живет, – продолжал объяснять парень. – Я, понятно, заинтересовался – все равно делать-то нечего... А тут забегают из соседнего двора четверо в черном...

– В черном? – переспросил Гуров.

– Ага, прямо «мэн ин блэк», – усмехнулся парень. – Спортивные такие. В руках у них, точно, свертки были. Только в этих свертках – стволы. Это я уж потом обнаружил, когда этот в белом из подъезда вышел... Только он вышел, как один из черных пушку выхватил – и по нему!.. Тот было назад, а там еще один! Он тогда сам пушку достал...

– У этого человека тоже было оружие? – переспросил Гуров.

– Ага, – кивнул парень. – Только стрелять он не мастер –

начал пулять куда попало, а потом побежал. Тут его и пришили. А один из черных подбежал, пистолет его схватил, и они все деру дали – в соседний двор. Там вроде машины зашумели, а потом вот вы пришли... – Он растерянно и немного смущенно оглянулся, будто ожидая сомнений со стороны слушателей.

Но ему никто не возражал – все слушали внимательно, в уме сверяя услышанное с той картиной, которая уже сложилась в голове у каждого.

– Один из нападавших забрал пистолет убитого? – удивился Гуров.

– Забрал! – подтвердил парень. – Это я сам видел!

Гуров оглянулся.

– Говоришь, они ушли через тот двор? – спросил он.

Этот факт подтвердили многие. Гуров предупредил, чтобы никто не приближался к телу, и направился туда, где дворы соединялись узким проходом. Пройдя через него, он оказался в соседнем дворе и сразу же понял, где находится. Впереди виднелась арка, за которой всего несколько минут назад стояла его машина.

– Мир действительно тесен, – пробормотал себе под нос Гуров.

Он прошел дальше и вышел в переулок. По-прежнему ярко светились стеклянные двери аптеки, и стояли автомобили у тротуара. Но лейтенанта Сиволапова и след простыл.

– Ты не из милиции, сынок, часом? – раздался за его спи-

ной осторожный скрипучий голос. – Мне сказали, что тут из милиции...

Гуров обернулся – позади стоял старичок. Маленький и скрюченный, он тем не менее обладал въедливым пронизательным взглядом, от которого сразу хотелось насторожиться.

– Из милиции, отец, – ответил Гуров. – А в чем дело? Видел что-нибудь?

– А как же, видел, – охотно подхватил старичок. – Вот как тебя, к примеру, сейчас вижу или свои пять пальцев... Говорят, в соседнем дворе убили кого-то?

– Да ты не больно много-то и видел, оказывается! – разочарованно сказал Гуров. – Если у меня спрашиваешь...

– Я со двора не выходил. Да и темновато у нас, конечно, – хладнокровно заметил старичок. – Однако глаз у меня до сих пор алмаз. Что уж увидел, то увидел. Например, сию минуту отсюда люди на машинах выехали, может, они и убили?

– Не исключено, – согласился Гуров. – И что же это за люди?

– Обыкновенные, – пожал плечами старичок. – Вроде как спортсмены в трико. Шустрые такие... Попрыгали в машины и усвистали! Чуть народ не посшибали. Как давеча въехали по-бешеному, так по-бешеному и уехали.

– Когда, говоришь, въехали? – с интересом спросил Гуров.

– Так давеча, – махнул рукой старик. – Всего минут пять

как прибыли. И, почитай, сразу назад. А между этим в соседнем дворе стреляли. Вот и соображай, если ты и вправду из милиции...

– Соображаю изо всех сил, – усмехнулся Гуров. – Значит, внешности этих людей ты, батя, не рассмотрел... А номера автомобилей?

– Номера не видел, врать не стану, – серьезно сказал старичок. – И про марку автомобилей ты меня не спрашивай – все равно ничего не скажу. Хорошие были машины, дорогие – вот и все, что я знаю. Зато видел я одну вещь, может, она тебя на мысль наведет?

– И что же за вещь такая?

– Вот послушай! – понижая голос, заговорил старичок и приблизился к Гурову почти вплотную. – Я им как раз вслед глядел, когда они со двора вылетали. Ну, какая видимость, когда так гоняют, сам понимаешь! Даже с моим глазом вряд ли номер заметишь. Но я все-таки посмотрел и увидел чудную штуку – вдруг у одной машины номер сзади будто вспыхнул!..

– Лампочка, что ли, загорелась? – спросил Гуров.

– Какая лампочка! – сердито фыркнул старичок. – Лампочка само собой горела. Я тебе про номер говорю! Вот был белый такой, с цифрами – а потом будто огонь по нему прошел, с искрой – и готово!

– Исчез, что ли?

– Да ничего не исчез! А вроде как преобразился...

– И что же это значит? – недоверчиво спросил Гуров.

– А это ты уже сам решай, что это значит! – обрадовался старичок. – Я тебе рассказал, чего видел, а ты решай!

– Ну, хорошо, а лейтенанта-гаишника ты здесь нигде не видел? – поинтересовался Гуров.

– Гаишника не видел, – признался старичок. – Да я совсем недавно вышел. Собирался вот до аптеки дойти – болезнь у меня от возраста, аденома, может, слышал?

Гуров вспомнил о пакете с лекарствами, оставшемся в незапертой машине, и спохватился.

– Прости, отец, – сказал он. – Отойти мне надо на минуту. А тебя прошу – дождись милицию. Сейчас группа должна подъехать...

Он почти не ошибся – группа уже подъехала. Сверкая фарами и завывая сиренами, в переулок влетели один за другим два автомобиля с красно-синими маячками. Собеседник Гурова иронически прищурился и сказал со вздохом:

– Чисто как в кино!..

Глава 2

– Выходит, ты сам напросился на это дело? – озабоченно потирая щеки, спросил полковник Крячко, когда Гуров тронул машину с места. – Кажется, зря я сегодня решил не бриться... Не слишком я вызывающе выгляжу, как ты думаешь? – Он попытался даже заглянуть в зеркальце над головой, чтобы получше рассмотреть щетину.

Гуров покосился на коллегу, с которым его связывали не только тесные служебные отношения, но и многолетняя проверенная дружба, и усмехнулся.

– Выглядишь ты как обычно, – заключил он. – То есть безобразно. Щетина на общем фоне практически незаметна, так что беспокоиться не о чем.

На губах Крячко промелькнула плутовская улыбка.

– Ты умеешь утешить, – сказал он. – А я, между прочим, сегодня даже рубашку надел новую и брюки погладил. Неужели незаметно?

– В общем, не очень, – признался Гуров. – Но, по-видимому, это занятие отняло у тебя так много сил, что на бритье их уже не осталось?

– Разумеется, – кивнул Крячко. – Силы нужно расходовать разумно, иначе их может не хватить на работу. Кстати, ты ловко ушел от ответа на главный вопрос: зачем ты напросился на это гиблое дело? Крутые парни что-то не подели-

ли, решили вопрос по-своему. Банальная разборка, по-моему. Зачем тебе это надо?

Гуров покачал головой.

– В том-то и дело, Стас, что не банальная, – сказал он. – Что-то в этом деле не так, печенкой чувствую! Судьба не зря меня в него носом ткнула – помяни мое слово.

– И что же говорит твоя печенка? – иронически спросил Крячко. – Что такого особенного ты усмотрел в этой мокрухе?

– Пока я и сам не могу объяснить, – сказал Гуров. – Но в этом деле столько мелких странностей, что поневоле призадумашься... Во-первых, осень на дворе, а убитый щеголял в белых штанах, как в Рио-де-Жанейро! В штанах и в белом пиджачке...

– Подумаешь, странность! – сказал Крячко. – Сейчас столько шизиков развелось – в страусиных перьях ходят круглый год, а не то что в белых штанах!

– Допустим, – кивнул Гуров. – А как тебе нравится, что жертву не только убили, но и пистолет забрали – в качестве трофея, что ли? Где ты слышал, чтобы киллеры трофеи брали?

– Может, ствол какой-нибудь редкий? – неуверенно предположил Крячко. – Коллекционный...

– Значит, уже не банальная разборка! – заявил Гуров. – Есть какая-то изюмина! И вот еще этот лейтенант...

– А что лейтенант? – не понял Крячко.

– Ну, я же тебе про гаишника рассказывал, который на меня не хуже ротвейлера набросился...

– Ну, ясное дело – он тебя за лоха с бабками принял, – авторитетно сказал Крячко. – Как говорится, капуста хотел нарубить по-легкому...

– Ну и лексикон у вас, господин полковник! – поморщился Гуров. – Я тоже вчера так сначала подумал – капуста и прочее... Только потом сопоставил все факты и понял, что слишком этот лейтенант нервничал что-то. Те, которые свою кормушку обслуживают, глядят орлами и по сторонам не озираются – привыкли к безнаказанности...

– Тебе бы с такими речами на форуме выступить, – мечтательно заметил Крячко. – То-то министр бы обрадовался!..

– Не в министре дело, – сказал Гуров. – Это я к слову. Мне показалось, что этого Сиволапова действительно беспокоил въезд во двор. Он будто заранее знал, что на этом месте гонки будут, и волновался, как бы столкновение не произошло. Потому и мой «Пежо» его взбесил.

– Думаешь, он имеет отношение к убийству? – с сомнением спросил Крячко. – Сам же говорил, что после разговора с тобой он сразу смылся.

– Ну, во-первых, когда он смылся, я не знаю, – сказал Гуров. – Во всяком случае, когда я уезжал, он все еще там находился. И чем он занимался в момент преступления, пока неясно. Никто его не видел, но это не значит, что его там не было, верно?

– Так мы сейчас куда едем? – спросил Крячко. – На твоего Сиволапова смотреть? Не проще ли было его в главк вызывать?

– Может, и проще, – ответил Гуров. – Но мне хотелось бы его врасплох застать. Я вчера следователю специально ничего про этого лейтенанта не сказал...

– Полковник Гуров в своем репертуаре, – иронически заметил Крячко. – Мало тебя чешут за то, что ты со следствием оперативным материалом не делишься?

– Своей принципиальностью ты мне всю песню портишь, – засмеялся Гуров. – Не бойся, поделюсь я со следствием, всем поделюсь – только малость попозже...

– Да я и не боюсь, – сообщил Крячко, потягиваясь. – Чувство страха вообще мне неведомо. Тем более что все шишки валяются не на меня, а на моего непосредственного начальника, товарища Гурова... А ты уверен, что твой лейтенант Сиволапов вообще существует на белом свете? Может, он тебе пригрезился?

– Вот сейчас мы это и проверим, – сказал Гуров. – В управлении ГАИ меня заверили, что лейтенант Сиволапов – реальное лицо.

В управлении Гурова не обманули, в районном отделении ГАИ, куда его направили, Сиволапов числился инспектором. В диспетчерской службе сообщили, что лейтенант сейчас на выезде, но есть возможность связаться с ним по рации. Гуров не возражал, но попросил не упоминать его имени.

Диспетчер выполнил просьбу, и вскоре выяснилось, что Сиволапов находится в районе Аэропорта на перекрестке улиц Черняховского и Планетной.

– Сиволапов, ты сейчас будь там, – ухмыляясь, передал по рации диспетчер. – К тебе один товарищ подъедет... Очень ответственный. Личный у него вопрос к тебе, Сиволапов. Как понял?

Сиволапов встревожился и попытался выяснить подробности, но под железным взглядом Гурова диспетчер молчал как рыба. Когда переговоры закончились, Гуров поинтересовался:

– Насколько я понял, Аэропорт – это ваш район, верно? Сиволапов всегда там дежурит?

– Как правило, – ответил диспетчер. – А почему спрашиваете?

– А в центре он может оказаться? Например, в районе Кузнецкого моста, Неглинной?..

Диспетчер пожал плечами:

– Не наш район. Если только по своей инициативе... А у вас какой-то конфликт там случился, товарищ полковник?

– Разве я похож на конфликтного человека? – вопросом на вопрос ответил Гуров. – Просто я любопытный. Обожаю задавать вопросы.

– Понятно, – разочарованно сказал диспетчер.

– Вот тебе еще одна странность, Стас! – объявил Гуров, когда они опять вернулись в машину. – Чего он в чужом рай-

оне делал на ночь глядя? Волка, конечно, ноги кормят, да ведь опасно – на чужой каравай рот не разевай, как говорится... И чем ему плох Аэропорт?

– Это все гадание на кофейной гуще, – ответил Крячко. – Никто, кроме Сиволапова, на такие вопросы тебе не ответит. Да и он вряд ли ответит. Соврет что-нибудь...

– Я вот опасаясь, что он даже и врать не будет, – сказал Гуров. – Сорвется просто куда-нибудь, а потом объяснит, что вынужден был преследовать нарушителя и вообще решил, что сообщение диспетчера просто шутка...

– Вот я и говорю, надо было его прямо в главк вызывать! – укоризненно заметил Крячко.

Однако, приехав на место, они убедились, что лейтенант Сиволапов не собирался никуда срываться и скрываться – он стоял рядом со своей машиной неподалеку от перекрестка и сумрачным взглядом фиксировал проносящийся мимо поток автомобилей. Оперативники не заметили, чтобы он кого-нибудь останавливал.

Подъехав поближе, Гуров остановился и вышел из машины. Сиволапов с любопытством поднял голову, всмотрелся и узнал. Гуров понял это по тому, как окаменели скулы лейтенанта и застыл взгляд. Больше тот ничем не выдал своего волнения. Однако сделать вид, что вообще ничего не помнит, он не решился и с некоторой небрежностью отдал Гурову честь, признавая тем самым его бесспорное старшинство.

– Добрый день, Сиволапов! – сказал Гуров, останавлива-

ясь рядом с лейтенантом. – Работаешь?

– Так точно, товарищ полковник! – скупое ответил Сиволапов, переводя взгляд на противоположный тротуар.

– Удивлен? – поинтересовался Гуров.

Лейтенант мельком посмотрел на него и сказал:

– А чего удивляться? Раз приехали, значит, понадобился. Наверное, вчерашнее покоя не дает? Так вы бы лучше прямо к начальству с жалобой!

– Покоя не дает, это ты в самую точку! – согласился Гуров. – Только при чем тут жалобы, Игорь Владимирович? Что выросло, то выросло. Я на тебя не в обиде, верю, что осознал ты свои ошибки... – Он кивнул в сторону проезжей части: – Вижу вон – ты даже и не тормозишь никого... Или нарушителей не стало?

– Как появятся – тормознем, – сухо сказал Сиволапов и еле уловимой ехидцей добавил: – Вы, часом, не в ГАИ перевелись, товарищ полковник?

– Нет, я у себя на месте, – отрезал Гуров и тут же спросил: – А ты всегда в этом районе работаешь?

– Практически, – Сиволапов опять был лаконичен.

– Тогда у меня вопрос: что же ты делал вчера вечером в том переулке? – спросил Гуров. – Совсем ведь не твоя градка!

Лейтенант задумался. В глаза Гурову он по-прежнему не смотрел, и было трудно понять, что за чувства он сейчас испытывает.

– Не хотелось переходить на официальный тон, – сказал Гуров. – Да, видно, придется. Ты, Игорь Владимирович, пойми – твой диспетчер ведь правильно про меня сказал – я человек очень ответственный. И если приехал к тебе сюда, то не для того, чтобы на твою выправку полюбоваться. Я пустяками не занимаюсь. У меня особо важные преступления. Вот так-то! А теперь пора, наверное, вспомнить, что я тебе вопрос задал...

Сиволапов сморщился, как от сильной зубной боли, и страдальческим взглядом посмотрел на Гурова.

– Товарищ полковник! – неожиданно жалобным тоном пробормотал он. – Так я же... Слово офицера... Больше не повторится!..

– Не понял! – повысил голос Гуров. – Что за лепет? Раз офицер, так и держись по-офицерски! Не размазывай кашу по тарелке!

Сиволапов, казалось, испытывает невыносимые муки – он переминался с ноги на ногу, кусал губы и шнырял по сторонам взглядом. Наконец он с усилием заставил себя выдать:

– Виноват, товарищ полковник, хотите казните, хотите милуйте!.. Был грех – подработать захотелось. Знаете ведь, как про нас говорят: мастера машинного доения, мол... Вот, значит, и доим, где повезет... Но больше этого не повторится, даю слово офицера!

– Что это ты офицерским словом без нужды разбрасываешься? – недовольно сказал Гуров. – Слушать тебя стыдно!

От того, что ты погоны на плечи повесил, ты еще офицером не стал, запомни!

Сиволапов молчал, опустив голову. Гуров некоторое время пристально рассматривал его, а потом вдруг сказал:

– Ладно, за твои грехи пусть с тебя начальство взыскивает. Ты мне вот что скажи – ты вчерашнее нападение видел? Или слышал хотя бы?

Сиволапов посмотрел исподлобья, облизнул пересохшие губы и спросил:

– Какое нападение, товарищ полковник?

– Ну, считай, как раз в том дворе, въезд в который я так неосмотрительно перегородил, – сказал Гуров, глядя Сиволапову в глаза. – Минут через десять после нашего разговора.

Лейтенант пожал плечами и, пожалуй, чересчур равнодушно ответил:

– Ничего не слышал, товарищ полковник! Да я сразу за вами уехал. А разве было нападение?

В любом случае такое равнодушие выглядело странным, особенно для работника милиции. Неужели он и в самом деле мог ничего не слышать? Или, может быть, хочет устроиться?

– Было нападение, брат Сиволапов! – сказал Гуров. – В том дворе какие-то отморозки мужчину застрелили.

– Надо же! – вежливо отозвался лейтенант. – А я не в курсе. Сразу за вами уехал.

– А сегодня у вас ничего об этом не говорили, что ли? – сердито спросил Гуров. – Новости, в конце концов, ты смотришь?

– Новости не смотрю, – угрюмо произнес Сиволапов. – А что у нас говорили, не знаю. Мало ли сейчас у нас в кого стреляют – за всеми не уследишь!

– Вообще-то мы для того и поставлены, чтобы следить, – проворчал Гуров и добавил: – Значит, нечего тебе мне рассказать, лейтенант?

– Абсолютно, товарищ полковник! – с облегчением сказал Сиволапов. – Не в курсе я...

– Ну-ну, – покачал головой Гуров. – Но все-таки если вдруг вспомнишь что-нибудь, загляни ко мне в главк, ладно?

– Я попробую что-нибудь вспомнить, – смиренно сказал Сиволапов.

– Вот и чудненько! – весело заключил Гуров. – Ну, работай, лейтенант!

Он повернулся и пошел к машине. Спиной он буквально ощущал напряженный, немигающий взгляд Сиволапова, и точно такой же взгляд украдкой проводил их с Крячко, когда они отъезжали с перекрестка.

– Этот симпатяга и есть тот грозный инспектор, чуть не съевший самого Гурова? – дурашливо спросил Крячко. – Мелкий какой-то... Мелкие вообще-то самые злые. Ну и как разговор – получился?

– Разговор не получился, – объявил Гуров. – А вот мысли

кое-какие у меня в голове появились...

– Этот факт заслуживает пристального внимания! – сказал Крячко. – Мысли? В количестве скольких штук?

– Хватит трепаться! – добродушно оборвал его Гуров. – Дело-то серьезное. А мысль у меня такая: странно себя ведет этот Сиволапов!

– Помнится, эта мысль тебя осенила еще до того, – прокомментировал Крячко.

– А теперь я в ней еще больше укрепился, – не моргнув глазом, пояснил Гуров. – Ты можешь себе представить, что этот лейтенант ни сном ни духом не слышал о вчерашней перестрелке? Говорит, сразу уехал!

– Бывает, – пожал плечами Крячко. – Напугался полковника и по-быстрому смазал лыжи. Или слышал, но не хочет с тобой лишний раз связываться. А что? Вполне реальный вариант.

– Может, оно и так. Но если он не хочет со мной связываться, то зачем тогда сам сознается в том, что шакалил в переулке? На такой вопрос ты мне можешь ответить?

Крячко с видом полнейшего недоумения посмотрел на Гурова.

– Он тебе признался, что сшибал левые бабки? – пораженно спросил он. – Ничего подобного никогда не слышал! Твой знакомец действительно очень странный гаишник! Откровенный до неприличия. Конечно, дело было без свидетелей, но все равно делать такие признания старшему опер-

уполномоченному главка – это выше моего понимания. И какие теперь выводы?

– Думать надо, – сказал Гуров. – Зачем ему нужно было сознаваться в неприглядных, прямо скажем, делишках? Не думаю, что таким откровенным его воспитала пионерская организация. Просто ему понадобилось, чтобы ответ на мой вопрос прозвучал максимально правдоподобно, вот что я думаю. А вопрос касался того, что он делал вчера вечером на месте убийства. «Я там занимался машинным доением, товарищ полковник!» Искренне, правда? Едва ли не со слезами на глазах. Вот что хочешь с ним делай, с таким откровенным! Только не спрашивай его об убийстве...

– А что? Логично, – серьезно сказал Крячко. – Тогда не понимаю, почему ты не хочешь тряхнуть его как следует?

– Еще не вечер, – отозвался Гуров. – Тряхнем еще. Сначала посмотрим, что нам экспертиза приготовила, что следователь по личности убитого раскопал...

– Ты полагаешь, что уже раскопал? – недоверчиво спросил Крячко.

– Не исключено. При убитом имелся паспорт на имя Григорьева Павла Сергеевича, пензенского уроженца, временно зарегистрированного в Москве. Все чин чинком – не похоже, чтобы фальшивый. Проверить пара пустяков. Вот я и хочу переговорить сейчас со следователем, выяснить, чем мы располагаем. Чтобы дальше можно было тряхнуть Сиволапова не просто так, а аргументированно. Кстати, для тебя у ме-

ня тоже работенка найдется. Ты у нас общий язык с любым найдешь – значит, покрутишься в том районе, где убийство случилось, расспросишь местных жителей хорошенько, кто что видел. По горячим следам не всегда получается вспомнить все детали. А вот теперь...

– Ты мне психологию не объясняй! – сказал Крячко. – Что и как вспоминать, я не хуже тебя знаю! А сам чем планируешь заняться?

– Если Григорьев – лицо реальное, займусь им, – сказал Гуров. – Какими путями в Москву попал, где обитал, чем занимался... Если документы все-таки фальшивые, попробую докопаться, где взял... Информаторов потрясти надо – кто из них что знает. В общем, работы хватит!

Глава 3

Когда Гуров говорил о работе, которой им с Крячко предстояло заняться, он еще отчетливо не представлял, какой объем она может составить на самом деле. Но интуиция подсказывала, что дело может оказаться исключительно сложным.

Его ожидания получили первое подтверждение уже в кабинете следователя Саленко, которому было поручено вести это дело об убийстве. Он уже получил некоторые данные из криминалистической лаборатории, и они нисколько не проясняли ни мотивов, ни обстоятельств преступления.

Работа с идентификацией оружия еще не была закончена, но по первым прикидкам эксперты предполагали, что с обеих сторон применялось импортное огнестрельное оружие. Поэтому почти наверняка можно было ожидать, что эти стволы нигде и никем не регистрировались.

Со следами было еще хуже – ни удовлетворительными отпечатками покрышек автомобилей, на которых приехали преступники, ни тем более следами самих убийц криминалисты не располагали.

Без оговорок они давали только одно заключение – по отпечаткам пальцев погибшего. И из этого заключения следовало, что подобные отпечатки в архиве внутренних дел не числятся. Гражданин Григорьев Павел Сергеевич никогда

не вступал в конфликт с правоохранительными органами – можно сказать, до самой своей смерти.

Тем не менее смерть он встретил с пистолетом в руках, на грязном московском асфальте, который топтал, судя по дате регистрации, всего каких-то три недели, – обстоятельства, необычные для законопослушного гражданина.

Гурову ничего не оставалось делать, как отправиться по тому адресу, где был временно зарегистрирован Григорьев. Он прекрасно понимал, что это может оказаться пустышка, но другого варианта пока не было.

Судя по имеющимся у следствия данным, гражданин Григорьев должен был проживать или хотя бы иметь какое-то отношение к адресу, расположенному у черта на куличках – в районе Крылатской улицы.

Гурову пришлось потрудиться, пока он нашел это место. Как-то даже не верилось, что подобные медвежьи углы еще существуют в границах такого мегаполиса, как Москва. Но не поверить было невозможно – в самом дальнем конце Крылатской улицы, среди лесопосадок, обнаружился некий жилой муравейник, представленный десятком покосившихся и почерневших от времени избушек – к одной из них и имел отношение покойник.

Гуров остановил машину на пыльной серой улице напротив нужного дома и минуту посидел, разглядывая непрезентабельный фасад и высохший палисадник под тусклыми окошками.

Его появления, кажется, никто не заметил. Никто не вышел из дома, даже не выглянул в окно. Гуров несколько бы не удивился, если бы выяснилось, что здесь уже сто лет никто не живет. Он выбрался из машины.

Было ветрено. По небу бежали взъерошенные сизые тучи. Тревожно шелестели верхушки деревьев. Откуда-то доносился приглушенный стук молотка. Гуров вздохнул и пошел к крыльцу.

Дверь оказалась незапертой. Гуров толкнул ее и прошел в маленькие душные сени, откуда без задержек попал сразу на кухню – тоже маленькую, грязную, с низким потолком и стенами, оклеенными газетами. Беглым взглядом Гуров определил, что газеты все годов семидесятых.

Здесь пахло рыбой, прокисшим пивом и еще чем-то непонятным, но чрезвычайно гадким. За деревянным столом у окна сидел лохматый мужчина неопределенного возраста. Уронив голову на руки, он спал.

Гуров на всякий случай проверил, есть ли кто-нибудь в других помещениях. В двух маленьких комнатах было пусто, но Гуров обратил внимание, что обстановка в обеих разительно отличается. Если в меньшей были те же грязь и вонь, что и на кухне, то в большой комнате можно было обнаружить следы кое-какого порядка и даже педантизма: колченогая кровать была застелена чистым покрывалом, у входа стояли тапочки, а в углу за старым шкафом – приличный кожаный чемодан. Значит, нужно выяснить, кто здесь проживает,

кроме лохматого засони.

Гуров вернулся на кухню и, остановившись рядом со спящим, изо всех сил хлопнул ладонью по крышке стола. Стол отозвался негодующим гулом, взметнулась пыль, а мужчина проснулся и поднял лохматую голову.

– А? Кого? – сипло спросил он, поводя по сторонам очумелым взглядом и встряхивая буйными кудрями.

Присутствие Гурова нисколько не смутило его и даже, кажется, не заинтересовало. Сопя и глухо шаркая подошвами, мужик встал из-за стола и скрылся в сених, где, судя по звукам, долго пил воду.

Наконец он появился, опухший и несчастный, с каплями воды на подбородке, и спросил у Гурова:

– У тебя с собой ничего нет?

Гуров молча полез в карман. Мужик с надеждой следил за его действиями. Гуров достал удостоверение, раскрыл его и сунул под нос хозяину. Тот несколько секунд тупо рассматривал документ, а потом обреченно сказал:

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Чего же это я вчера натворил, начальник? Во всем сознаюсь, честно говорю – дай только сначала опохмелиться!

Гуров спрятал удостоверение и спокойно сказал:

– Опохмеляться без меня будешь! Мне с тобой поговорить надо... Ты здесь хозяин?

Мужик недоверчиво всмотрелся в лицо оперуполномоченного и разочарованно сказал:

– Я, начальник... Моя, значит, хата... А похмелиться, значит, не выйдет?

– Похмелиться не выйдет! – категорически заявил Гуров. – Как зовут-то тебя?

– Петькой... Петром... То есть Комков я, Петр Николаевич, – тут же поправился он. – Временно безработный...

– Безработный, значит? – сказал Гуров. – На что же живешь, а, Петр Николаевич?

Мужик застенчиво пожал плечами.

– Перебиваюсь как-то, – ответил он. – Когда сеструха помогает... Когда займы перехватишь... Иногда подработает где-нибудь на рынке – но это редко...

– Вижу, что нечасто, – кивнул Гуров. – Ну, и жильцов пускаешь, верно?

– Да ну, жильцов! – махнул рукой хозяин. – Одного-то и пустил только. Сам напросился. Мы с ним в пивнухе познакомились. Он из Пензы, что ли, приехал – на заработки. А жить негде. Ну, а я человек добрый – живи, говорю, у меня!

– Как зовут твоего постояльца? – спросил Гуров.

– Пашкой зовут, – сказал Комков. – А фамилией я, правду сказать, не интересовался. Пашка и Пашка!..

– Фамилией, значит, не интересовался? А вообще о чем-нибудь с ним разговаривал? Рассказывал он о себе что-нибудь?

Комков наморщил лоб и принялся изо всех сил скрести в затылке.

– Так это... говорили, конечно, – смущенно пробормотал он. – Выпивали мы с ним, как положено... А вот чего рассказывал – не скажу, начальник! Ей богу, не скажу! Память у меня хреновая стала! Вроде пока слушаешь, все помнишь, а отошел, и – не поверишь – все как ветром сдуло!

– Отчего же? Охотно верю, – сказал Гуров. – Меньше на горячительные напитки надо налегать, Петр Николаевич! А то скоро вообще все на свете забудешь... Видишь, что из этого получается – пустил к себе в дом человека, а сам ничего о нем не знаешь. А вдруг он опасный преступник?

– Это Пашка-то? – снисходительно спросил Комков. – Никогда не поверю! Из Пашки инженер за версту прет! И по фене он не понимает... Нет, начальник, Пашка не из таких!

– Инженер, говоришь? И по какому делу он инженер? Какую работу он искал?

– Вроде химик он, – виновато сказал Комков. – Или физик, черт их разберет! Да и работу он, по-моему, никакую не искал – валялся у меня тут на койке, фотки свои все разглядывал... Иногда выпивали мы с ним.

– Давно он у тебя живет? – спросил Гуров.

– Да с месяц! – не слишком уверенно сказал Комков. – А может, и поменьше.

– И что же, весь месяц на койке пролежал?

– Да не скажу. Иногда и выходил даже. По вечерам. Я ему еще говорю, ты не мотайся тут по вечерам – тут тебе не Пенза

твоя! А он только смеется...

— Куда же он ходил по вечерам?

— А кто знает? Он мне не докладывался, — сказал Комков. — Может, в кино ходил, может, в театр, а может, к бабе какой — я не знаю, куда они, инженера, ходят... Но подолгу ходил и всегда трезвый — вот что удивительно!

— Да, это небывалый факт, — иронически заметил Гуров. — Ну, а вчера ты своего постояльца когда последний раз видел?

Комков опять наморщил лоб и вдруг воскликнул:

— Да чего же я думаю! Я же вчера с утра заквасил — ничего совсем не помню! Я вчера и сестры родной не узнал бы. Так что, может, я Пашку вчера и видел, только толку с этого никакого!

— Понятно, — сказал Гуров. — А какие-нибудь люди к нему ходили?

— Да никто не ходил вроде, — задумался Комков. — Он, кроме меня, тут никого и не знает... То есть, может, и знает, конечно, только в нашу дыру мало охотников наведываться, сам понимаешь! Одни алкаши, да вот вроде тебя, начальники...

Гурова не слишком воодушевил выстроенный Комковым ряд, но он сделал вид, что ничего не заметил.

— А какие-нибудь странности ты за Пашкой замечал? — спросил Гуров. — Ну, что-нибудь из ряда вон выходящее? Может, оружие у него имелось, валюта, наркотики...

Комков вытаращил глаза.

– У Пашки? – с искренним изумлением воскликнул он. – Да ни в жисть! Пашка, он и не курил даже. И с валютой у него не густо было. Каждую копейку считал. Его на поллитру раскроить – это невозможное дело! Бывало, час уговариваешь, пока своего добьешься. У него же дома семья осталась – жена, ребенок больной, типа... Он ради них сюда и приехал. Все говорил, что ему здесь, в Москве, работенку денежную обещали. Только врал, наверное, что-то никаких денег я у него так и не заметил.

– Ты говоришь, он фотографии какие-то все смотрел, – напомнил Гуров. – Что за фотографии?

– Да все то же, – махнул рукой Комков. – Семейный альбом. По своим скучает... Они там, в его комнате. Я-то в его вещи не суюсь – упаси бог! – Он вдруг подозрительно посмотрел на Гурова и спросил с тревогой: – А ты чего все спрашиваешь, начальник? Или с Пашкой случилось что?

– Случилось, – сухо ответил Гуров и повернулся к двери. – Значит, я посмотрю его вещи?

– Дело хозяйское, – развел руками Комков. – Раз случилось – значит, случилось. У кого какая судьба, как говорится... – На его помятом лице не было написано ни особого сожаления, ни любопытства.

Гуров вошел в комнату, которая выглядела более опрятной, выдвинул на середину чемодан. Потом секунду подумал и решил начать со шкафа. В шкафу на пластмассовых плечиках висели два костюма – серый и темно-синий – далеко

не новые, но выглядевшие довольно прилично.

Гуров проверил карманы, ощупал подкладку – везде было пусто. Для порядка он переверорошил еще и постель, но и там ничего не нашел – постоялец не прятал под матрасом ни валюты, ни героина, ни патронов.

Собственно, Гуров и не рассчитывал на то, что гость из Пензы настолько глуп. Что бы он ни заливал тут Комкову, а денежная работенка его припахивала кровью, и сам он вряд ли был невинным инженером. Занимался он чем-то явно противозаконным, а такие люди не любят оставлять улики.

Закончив с постелью, Гуров принялся за чемодан. Он придвинул к нему скрипучий деревянный стул, из тех, что когда-то носили гордое название «венские», уселся на него и взялся за чемоданные застёжки.

Но открыть их Гуров не успел – что-то насторожило его. Где-то неподалеку вдруг возник нарастающий рев мотоцикла. С каждым мгновением рев приближался, и по контрасту с тишиной, которая тут царила, этот звук показался Гурову просто угрожающим. Он поспешно встал и подошел к окну.

Наводя порядок в запущенной комнате, Григорьев, видимо, не нашел в себе достаточно духу, чтобы вычистить оконные стекла – они так и остались покрыты многолетними наслоениями пыли, копоти и мушиных следов. Видно через них было неважно. И все-таки Гуров сумел рассмотреть затянутую в кожу фигуру на сверкающем мотоцикле, которая внезапно, словно из небытия, возникла перед самым домом.

Мотоциклист остановился, не выключая двигателя, и посмотрел на окна дома. На голове у него мертвенным сиянием отсвечивала полусфера роскошного черного шлема. Он был похож на пришельца из страшного голливудского фильма.

Вдруг он наклонился, и в руках у него появился какой-то темный предмет. Гуров не успел рассмотреть, что это такое, как предмет уже летел в сторону дома. Пущенный умелой рукой, он попал точнехонько в окно, возле которого стоял Гуров.

Он едва успел увернуться. По всей комнате разлетелись осколки стекла. Что-то глухо стукнуло об пол, и сразу же, будто из-под земли, под ногами у Гурова выметнулся ядовито-желтый язык пламени.

Простыни на кровати вспыхнули мгновенно. Клубок огня сначала, казалось, съежился, но тут же взорвался еще раз и побежал в разные стороны голубыми, всепожирающими струйками. По стенам заплясали косые отсветы. За окном взревел мотоцикл.

Гуров успел выхватить из разгорающегося пламени чемодан и выбежать на кухню. Хозяин смотрел на него, беспомощно разинув рот.

– Беда, Петр Николаевич! – на ходу крикнул Гуров. – Горишь ты! Бери документы и беги!

Комков, не двинувшись с места, тупо переваривал новость. Гуров не стал его дожидаться и выскочил на улицу. Здесь он бросил в пыль чемодан и выхватил из-за пазухи пи-

столет.

Сверкающий багровый мотоцикл с черным всадником на нем уже мчался по грунтовке метрах в пятидесяти от Гурова. В следующую секунду он уже скрылся бы за деревьями. Гуров вскинул пистолет и выстрелил, метя в заднее колесо. Мотоциклист, как ни в чем не бывало, помчался дальше.

Гуров выругался и бросился к машине. Он швырнул чемодан на заднее сиденье, прыгнул за руль и завел мотор.

В избушке уже вовсю бушевало пламя. Над крышей пополз черный смоляной дым. В запоздалом испуге на крыльце появился хозяин. Он замахал руками и побежал к автомобилю.

Гуров снова выругался, но дождался, пока Комков запрыгнет на переднее сиденье, и тут же стартовал.

– Что это было? – жалобно спросил Комков.

Гуров не ответил – он, не отрываясь, смотрел вперед, на дорогу. «Пежо» промчался вдоль улицы и влетел на просеку. По обеим сторонам замелькали кусты и деревья, покрытые блеклой листвой. Мчащиеся поверху тучи создавали иллюзию бешеной гонки. Однако уже через минуту Гуров был вынужден затормозить.

Просека расходилась отсюда на все четыре стороны. Покрытая коркой засохшей, перемешанной колесами грязи, грунтовка во всех четырех вариантах выглядела совершенно одинаково. По какой дороге поехал мотоциклист? Куда он намерен направиться – в сторону Кольцевой автодороги или

в район Строгино? А может быть, он попросту сделает круг по лесному массиву и вернется на ту же Крылатскую улицу, откуда приехал. Или того лучше – пересидит где-нибудь в ему одному известном убежище...

Гуров опустил стекло. Кроме шума деревьев, он ничего не слышал. Мотоциклист был уже далеко. После минутного колебания Гуров отказался от мысли звонить в центральную диспетчерскую.

– Что зря людей дергать! – сказал он вслух. – Ищи теперь ветра в поле! Что выросло, то выросло...

– А что выросло-то? – тревожно спросил Комков, непонимающим взглядом сверля Гурова.

– Да ничего не выросло, брат Комков! – печально сказал Гуров, оглядываясь назад, – над деревьями вставал тревожный столб черного дыма. – Наоборот даже... У тебя хата хоть застрахована была?

– Кого – застрахована! – ответил Комков. – Да и не моя она. На сеструху дом записан-то! Если она страховала...

– Ну, будем надеяться на лучшее! – подбодрил его Гуров. – А пока поедem...

– Куда поедem-то? – тоскливо поинтересовался Комков.

– В морг поедem, – жестко сказал Гуров. – Покойника одного я тебе покажу. Хочу проверить, опознаешь ты его или нет.

У Комкова отвалилась челюсть.

Глава 4

Станислав Крячко был опером с многолетним стажем, ментом до мозга костей. Но люди, общавшиеся с ним, редко догадывались о его профессии. Никому и в голову не приходило, что этот крепкий улыбчивый мужик с простецким открытым лицом, одетый, как работяга с окраины, может быть сыщиком. Крячко знал об этом и беззастенчиво этим пользовался. «Хорошему человеку хуже не будет, – философски замечал он. – А плохому так и надо!»

Теперь он крутился в районе Кузнецкого моста, пытаясь понять, что делал здесь накануне вечером человек в светлом костюме и с пистолетом за поясом, именовавшийся по документам Григорьевым Павлом Сергеевичем, откуда пришел и кого искал. Кто-то наверняка должен был его заметить – светлое пятно на фоне черных осенних улиц: торговец возле метро, бабушка, сидящая день-деньской у окошка, пацаны в подворотне. Да и тачки, на которых следом подъехали убийцы, тоже могли попасть в поле их зрения. Нужно было только найти этих людей.

Свидетели, наблюдавшие сам момент убийства, Крячко не очень интересовали. Гуров прав – пальба перед самым носом, кровь, крики о помощи у кого угодно отобьют память. В таких случаях свидетельские показания зачастую обрастают самыми невероятными подробностями, а действительно

важные сведения ускользают из-под самого носа. Крячко хотел найти свидетелей, которые убийства не видели.

Он несколько раз обошел квартал, где располагалась аптека, присмотрелся к окружающим домам, прикинул, какие рядом магазины и забегаловки.

«Смешно, – размышлял он по ходу дела. – Лубянка в двух шагах, до Петровки рукой подать, а человека пришлепнули, как курицу, – никто и не почесался! Когда такое было? Никогда такого не было».

Впрочем, при свете дня этот уголок столицы выглядел на редкость мирно, разве что слегка мрачновато из-за испортившейся погоды. Крячко смотрел на невесть откуда взявшиеся низкие тучи и жалел о том, что лето так быстро кончилось.

«А ведь мы слевой его толком и не заметили, – думал он. – Чертова работа! Другие на пляжах целыми днями, в Сочи по путевке едут, за грибами на худой конец... А тут кабинет да машина – вот и все развлечение!»

Крячко уже дважды обошел квартал и наконец проник во двор, где произошло убийство. Он без труда нашел то самое место – бурые пятна на асфальте были еще хорошо видны.

Крячко знал, что при погибшем не обнаружили никаких ключей – скорее всего, сюда он пришел на своих двоих. С какой целью?

«Получается, он искал кого-то, – подумал Крячко. – Не нашел или не застал дома, вернулся во двор, а тут его и на-

крыли. Следили, что ли? – Он окинул взглядом окна дома, выходящие во двор. – Обходить квартиры? Бесполезно. Даже если кто-то его тут ждал, мне он этого не скажет. Да и по большому счету важнее выяснить, кто стрелял. А как выяснить?.. Эх, гражданин Григорьев из Пензы! Тот самый случай, когда в огороде бузина, а в Киеве дядька... Приехал недавно, в картотеке не значится – кому он успел здесь насолить?»

Чувствуя, что вопросов становится все больше, а ответов на них нет и не предвидится, Крячко махнул рукой – хочешь не хочешь, а придется заняться рутинной.

Он достал увеличенную фотографию Григорьева, перенятую с паспорта, которую утром выпросил у следователя, и пошел с этой фотографией в подъезд – тот самый, куда заходил накануне Григорьев. Найти его было несложно – бурые следы на асфальте образовывали не слишком явную, но совершенно определенную дорожку – видимо, первую пулю Григорьев получил еще на крыльце.

Как и ожидал Крячко, коэффициент полезного действия от его обхода сразу же начал стремиться к нулю. На первом этаже ни в одной квартире не отзывались на звонки. На втором с ним поговорили через дверь, наотрез отказавшись ее открывать. Примерно та же картина ждала его и выше. Даже располагающая внешность не срабатывала – люди были слишком напуганы ночной стрельбой и не шли на откровенность.

Заметно разочарованный, Крячко покинул подъезд и перешел в соседний двор. Он рассчитывал, что кто-нибудь из местных жильцов смог запомнить хотя бы какие-то подробности об автомобилях, на которых приехали преступники, — ведь было известно, что парковались они именно в этом дворе.

Но и здесь Крячко не удалось найти подходящего собеседника. То ли из-за печальных событий, то ли из-за плохой погоды жители, попавшиеся Крячко на пути, были замкнуты, неразговорчивы и ссылались на полное неведение, занятость и плохую освещенность во дворе. Поквартирный обход, который он и здесь попытался предпринять, тоже не дал результатов.

Таким образом, Крячко вновь оказался на улице и двинулся совершать третий круг по кварталу. Погода все больше портилась, и на голову начало брызгать что-то похожее на дождь — мелкое холодное крошево.

«Вот смоем всю кровь с асфальта, и вскоре никто и не вспомнит, что во дворе случилось убийство, — подумал Крячко. — Хотя — вру. Тот, кто видел все собственными глазами, тот не забудет. А для тех, кто по квартирам сидел, это происшествие одно из многих — вроде новостей по телевизору. Наверняка большинство даже в окно не выглянули. Хотя людей винить в этом трудно — не защищены люди по-настоящему. С одним энтузиазмом против автомата не попрешь. Хотя, с другой стороны, много ли помог пистолет этому Гри-

горьеву?»

Крячко вспомнил: Гуров рассказывал, что, по словам свидетелей, Григорьев управлялся с пистолетом неумело – вовсе не как профессионал. И пистолет у него забрали... Военный трофей, так сказать. «Может, в пистолете все дело? Важная улика, – подумал Крячко. – А этот Григорьев эту улику похитил... Нет, все равно непонятно!»

Крячко недовольно засопел и вытащил из кармана пачку сигарет. Нельзя сказать, что он был сильно удручен результатами своей вылазки. Уж он-то хорошо знал, как бывают скудны показания свидетелей и как важны в его деле терпение и счастливый случай. Ничего не было потеряно. В конце концов, можно было еще раз поговорить с основными свидетелями, воспользоваться услугами информаторов, да и счастливый случай мог подвернуться в любую минуту – сколько раз уже так бывало, когда казалось, что потеряны все концы.

И такой случай не замедлил подвернуться – Крячко даже слегка удивился такой расторопности. Правда, удивился он уже немного позднее, когда все закончилось и разложилось по полочкам, а в тот момент он просто шел по улице, размышлял и курил отсыревшую сигарету.

За углом он увидел автомобиль дорожно-патрульной службы. В самом этом факте не было абсолютно ничего удивительного, но с некоторых пор Крячко стал относиться к гаишникам с повышенным вниманием, а уж появление такого возле места преступления тем более насторожило его.

Разумеется, лейтенанта Сиволапова Крячко в патрульной машине не обнаружил. За рулем сидел худощавый подтянутый капитан с мрачным лицом и глубокими складками вокруг тонкогубого рта. На подошедшего Крячко он посмотрел взглядом, который не обещал тому ничего хорошего.

– Здравия желаю! – добродушно приветствовал его Крячко и, мусоля в зубах сигарету, представился: – Старший опер Крячко, из главка. Поговорить бы надо...

Капитан улыбнулся неожиданно застенчивой улыбкой и сразу сделался совсем не страшным.

– Панин моя фамилия, – сказал он. – Да ты прыгай в машину – моросит на улице-то...

Крячко отшвырнул окурок и сел на заднее сиденье машины, смачно хлопнув дверцей.

– Я слышал, тут вчера разборки были, – садясь вполоборота к нему, сказал капитан. – Замочили кого-то. Ты тут по этому делу, наверное?

– По этому, – согласился Крячко. – А ты всегда здесь па-сешься?

– Когда как, – пожал плечами капитан. – Хочешь сказать, что должен что-то знать про вчерашнее? Так вчера меня и в Москве-то не было – в командировке находился. Автобус сопровождал с детской экскурсией – в Загорск, понимаешь?

– По памятным местам Подмосковья, значит? Ну что ж, это дело хорошее, – кивнул Крячко. – Да я, собственно, на тебя и не рассчитывал. Тут вчера другой твой коллега оти-

рался, совсем не из этого района. Имя называть не стану, а вот спросить хочу: у вашего брата такое часто практикуется – при чужих кормушках лепиться?

Капитан смущенно кашлянул и почесал переносицу.

– Ну и вопросыки у тебя, опер! – с усмешкой сказал он. – Это материя такая... Тонкая материя! Во-первых, насчет кормушки это ты загнул! Я понимаю, разговор у нас не для протокола, но сразу тебе скажу – у нашего брата такой разговор энтузиазма не вызывает. Ты служишь, и мы служим. А что помимо – так это дело совести, понятно? Кормушку себе при любом деле устроить можно – что, не так?

– Золотые слова! – сказал Крячко. – А все-таки, если не касаться моральной стороны дела? Чисто теоретически – возможно такое, чтобы на твоем участке посторонний мент появился?

– Да в этой жизни все возможно, – подумав, ответил Панин. – Почему нет? Я же говорю, это какая у кого совесть. Конечно, не поощряется, но все возможно.

– Ясно, – кивнул Крячко. – Сам-то никого здесь не замечал раньше?

– Да как-то не приходилось, – сказал Панин. – Ты к тому клонишь, что этот «коллега» к убийству может иметь отношение? Угадал я?

– Я сам пока только гадаю, – хохотнул Крячко. – Вечер был. Свидетели имеются, конечно, да мало что свидетельствуют. Убитого все хорошо рассмотрели, а вот убийц да их

транспорт никто особенно и не разглядывал. А все быстро произошло – сошлись, постреляли и разъехались.

– Кого убили-то? Опознали хотя бы? – поинтересовался Панин.

– Официального опознания не было еще, – сказал Крячко. – Приезжий он. Вроде из Пензы, а выглядит так, будто из Сочи.

– В каком смысле? – с вежливым недоумением спросил Панин.

– А в таком, что он, как красавец-мужчина, во всем белом разгуливал, – объяснил Крячко. – Не сезон вроде. Может, конечно, ему больше надеть просто нечего было – не скажу, не знаю...

Панин соорудил на лице сосредоточенную мину и некоторое время молчал, будто о чем-то размышляя. Потом вдруг открыл рот и не очень уверенно сказал:

– Знаешь, я тут одну вещь вспомнил, может, тебе будет интересно... Это насчет того, что весь в белом... У меня этим летом случай был – на моих глазах застрелили человека в районе ВДНХ. Мы с семьей к родственникам на день рождения ходили, припозднились и к закрытию метро опаздывали. Своей тачки у меня, между прочим, до сих пор нет. Это к твоему вопросу о кормушке, опер... Ну так вот: мы из дома вышли и к метро рванули – я, жена, сын с дочкой. Народу на улицах мало, и, представляешь, вдруг из подъезда нам наперерез выскакивает мужик – весь в белом и с пушкой

в руке! Я так и обмер. Ладно бы я один был, а тут весь выводок – мне же о них думать надо! Поэтому я героя строить из себя не стал. Я ведь, само собой, не при исполнении был – без формы, и на грудь тоже у шурина принял – в общем, был мне этот отморозок до лампочки. Хочешь, осуждай, хочешь, что угодно думай, а ввязываться в это дело мне не с руки было. Я своих подхватил – меньшую свою на руки, – и мы в ближайшую подворотню ретировались. Не в ту, конечно, из которой этот тип выскочил, а подальше... Ну, и все, пожалуй. На улице постреляли из разного калибра, а потом все стихло.

– Я закурю? – полуутвердительно сказал Крячко и принялся задумчиво разминать сигарету. – Значит, насколько я понимаю, самого главного ты не видел? Но, говоришь, все-таки убили того мужика?

– Мужика убили, – печально подтвердил Панин. – Само-го факта убийства я не видел, это верно. Но, между прочим, свидетельские показания давал – я свой долг знаю. Когда стрельба кончилась, мы из своего убежища выбрались – де-тишки, конечно, трясутся, жена на грани истерики, а на дороге труп лежит. Весь в белом. Но, между прочим, без пушки уже. Я своих-то обратно к шурину погнал, а сам на месте остался – до полного выяснения обстоятельств, так сказать.

– Пушки, говоришь, при нем уже не было? – деловито спросил Крячко, щелкая зажигалкой.

– Ага, не было, – подтвердил Панин. – Я поближе подо-

шел, осмотрел – никаких следов. Я чего подходил-то? Думал, помощь нужна. Да какое там! Вся грудь насквозь, как решето. Наверняка убивали.

– А кто убивал – видел? – спросил Крячко.

– Чего же я из своей подворотни мог увидеть? – возразил Панин. – Я и следовательно то же самое сказал. За углом пальбу слышал – ствола три было задействовано, примерно... И этот, в белом, тоже шмальнул раза два. Вот и все мое свидетельство. Ясное дело, убийцы меня дожидаться не стали, когда я на них посмотреть выйду, – сделали свое дело и укатили. Я слышал, как вроде поблизости машина отъехала. Между прочим, их до сих пор не нашли. Хотя времени-то всего ничего прошло, да ведь, говорят, в таких делах если по свежим следам не поймали – пиши пропало...

– А кто это дело вел? – поинтересовался Крячко. – Что-то я не припоминаю такой истории...

– Да разве их все упомнишь? – пожал плечами Панин. – Каждый день кого-нибудь убивают. Тем более там неизвестный гражданин был – никто из родственников по случаю смерти не обращался. Может, потом объявился... А вел дело Рагозин. У меня он показания только один раз снимал – да и показаний, правду сказать, было кот наплакал...

– Ничего, капитан! – сказал Крячко. – Зато мне тебя сам бог, наверное, послал. Сдается мне – тут что-то есть. Не могу объяснить своих ощущений, но, по-моему, ты мне сейчас очень важную вещь рассказал.

– Тебе виднее, – заметил Панин.

– Я, пожалуй, сейчас прямо к Рагозину рвану, – объявил Крячко, но тут же махнул рукой. – А еще лучше к ребятам в МУР! Там же наверняка должны знать! – Он толкнул дверцу машины и вдруг спохватился: – Да! Последний вопрос – а ты на том месте гаишника, случайно, не встретил? Коллега твой там не крутился поблизости?

– Дались тебе мои коллеги! – сказал Панин вяло. – Там потом много народу понаехало. Может, и ГАИ было, не помню... Говорю же, выпивши был и за семью волновался.

– Семья – дело святое, – кивнул Крячко.

Глава 5

Генерал Орлов был с утра настроен на удивление благодушно. Пригласив Гурова с Крячко в кабинет, он даже предложил им по чашечке кофе, чего обычно никогда не делал. И разговор начал не с официальных тем, а первым делом поинтересовался у Гурова здоровьем жены.

– Плохо следишь за женой, Лева! – с шутливой укоризной объявил он. – Не забывай, что хоть она тебе и жена, а ее искусство принадлежит народу! Как дела-то вообще? Может, надо доктора хорошего? У меня есть свои люди в Министерстве здравоохранения...

– У нее хороший доктор, – ответил Гуров. – Да и не все так плачевно. Своевременное лечение и неукоснительная диета – и о болезнях можно будет забыть. Во всяком случае, врач так говорил.

Генерал скептически покачал головой.

– Смотри! – строго сказал он. – Марию мы тебе в обиду не дадим!

– Ты бы лучше, Петр, заглянул в гости, проведал, – сказал Гуров. – Мария и то удивляется, почему это генерал Орлов давно визитов не наносил. Забронзовел, что ли?

– Забронзовеешь тут! – усмехнулся Орлов. – Колосс на глиняных ногах – вот это точная картина. Самому впору по докторам идти. Просто вот с утра всех докторов по алфавиту

обходить... По кругу.

– У меня другая теория, – деловито заметил Крячко. – По докторам ходить – одна пустая трата времени. Вы видели когда-нибудь, чтобы два доктора ставили больному одинаковый диагноз? Да такого в жизни не бывало! Какой вывод? Ни один из них ни черта не понимает! Очищать организм надо! Народными средствами.

– Знаю я эти народные средства, – проворчал Орлов. – Одно у тебя, Стас, средство – с утра про него лучше и не вспоминать! – Он стер с лица улыбку и испытующе посмотрел на Гурова. – Ну, давайте к делу! Еще не разочаровался?

– Пока нет, – лаконично сказал Гуров.

– И чего тебя оно так увлекло, не пойму, – покачал головой Орлов. – Сам всегда говоришь – не царское, мол, дело налетчиков хватать. А тут сам за бандитскую разборку обеими руками вцепился. Не понимаю. Или надыбал чего?..

– Да много чего получается, – сказал Гуров. – Только в общую картину пока никак не складывается. А фрагменты, между прочим, интересные. Что мы имеем? Неизвестными лицами убит гражданин Григорьев, всего три недели как приехавший из Пензы. Зарегистрировался и жил здесь он у некоего гражданина Комкова в Крылатском, у черта на куличках. Вчера я этого Комкова навестил, и навестил, надо сказать, не без пользы. Во-первых, Комков Григорьева опознал. То есть опознал в убитом своего постояльца, что, возможно, не одно и то же. Затем мне удалось изъять чемодан с

вещами, принадлежавший Григорьеву. И в-третьих, когда я там находился, произошла из ряда вон выходящая вещь – к дому подкатил мотоциклист и швырнул в окно зажигательную шашку. Экспертиза вчера выезжала на место, определили, что такими шашками снабжаются армейские спецчасти. В этом плане выводов никаких делать не хочу – рано. А вот намерения мотоциклиста, на мой взгляд, недвусмысленны – кому-то понадобилось уничтожить следы пребывания Григорьева в столице. Только этот кто-то по небрежности запоздал. Чемодан-то я взял!

– И что же в чемодане? – спросил Орлов. – Патроны, кокаин, подрывная литература?

– Да ничего подобного! Носки, майки, парочка романов в бумажных обложках, медицинский справочник...

– Он что – медик? – нахмурился генерал.

– Вряд ли. Комков утверждает, что инженер. Возможно, инженер-химик. Но тот же Комков сказал, что у Григорьева на родине остался больной ребенок, и в Москву он приехал, чтобы заработать денег на лечение.

– Вот как? – поднял брови Орлов. – Заработать с оружием в руках?

– Получается так, – пожал плечами Гуров. – Между прочим, свидетели убийства обратили внимание на неумелое обращение Григорьева с пистолетом... Но это так, к слову... Я дальше про чемодан – фотографии семейные я там нашел. Печальное, в общем, зрелище. Квартирка у этого Григорье-

ва неважная. Жена симпатичная, но измученная. И сын, лет девяти пацан, выглядит действительно бледновато. Похоже, в этом плане насчет Григорьева все верно. Безденежный инженер, семейные проблемы, приехал на заработки... А вот его смерть в этот ряд совсем не вписывается. Ну, не понимаю я, как в его руках ствол мог оказаться!

– Да, непонятно, – согласился Орлов. – И этот мотоциклист с зажигалкой... Серьезно как-то для простого инженера... А еще какие, говоришь, странности?

– А вот та странность, что убитый был в светлом костюме – будто не по осенней Москве шатался, по подворотням, а по солнечному Рио-де-Жанейро! На первый взгляд, конечно, все это дело вкуса, но ты лично, Петр, можешь представить себе сейчас человека на улице в белом костюмчике? Я, грешным делом, думал – у него другой одежды нет. Но на месте выяснилось, что у него еще два приличных костюма имелось – темных. Значит, намеренно он вырядился. А для чего? Может, у нас тут где клуб есть, куда без белого костюма не пускают?

– Не слыхал о таком, – покрутил головой генерал и повернулся к Стасу. – Может, ты слыхал?

– Я другое слыхал, – со скрытым торжеством сказал Крячко. – Пока Лева со своим алкашом возился и его спаленной хатой, я очень важную вещь выяснил... Я так думаю, что важную, – поправился он.

Гуров и генерал вопросительно уставились на него.

– Я к ребятам в МУР наведался, – пояснил Крячко. – Раз-
узнать, не было ли в последнее время идентичных преступ-
лений...

– Да они каждый день... идентичные! – фыркнул гене-
рал. – То банкира обстреляют, то авторитета... Уже и за
депутатов принялись! Не пойму я, по какому признаку ты
идентифицировал?

– А по одежке, – терпеливо сказал Крячко. – По одежке
протягивай ножки. По нелепому светлому костюму, который
был на убитом. А знаешь, Лева, кто меня надоумил? Гаиш-
ник, которого я в том же квартале встретил. Не твой гаиш-
ник, а другой – капитан Панин из этого района.

– Стоп-стоп! – сердито перебил его Орлов. – Затарахтел!
Тот гаишник – не тот! О чем ты речь ведешь, может, просве-
тишь?

– Я сейчас объясню, – сказал Гуров. – В тот вечер перед
самой стрельбой я у аптеки имел неприятный разговор с лей-
тенантом ГАИ по фамилии Сиволапов. Моя машина ему не
понравилась. Его поведение, да и вообще присутствие там,
показалось мне странным. Назавтра выяснилось, что он во-
обще шурувал не в своем районе. Этого человека надо бы
проверить – скользкий, по-моему, тип!

– Полагаешь, он может быть связан с преступниками? –
спросил генерал.

– Пока уверенности нет, но понаблюдать за ним стоило
бы, – сказал Гуров.

– Так понаблюдайте, – рассудил Орлов. – Ну, а что второй гаишник?

– А второй этим летом попал вместе с семьей в историю, – подхватил Крячко. – Возвращался из гостей – ночью, в районе ВДНХ. И попал в похожую разборку. Человек в светлом костюме, пистолет, стрельба... Потом труп – причем уже без пистолета, а нападавшие скрылись. Такая вот история. Убийц до сих пор не нашли. Более того, погибший так и был похоронен как неизвестный – никто о его пропаже не заявлял, никто не опознал. Следствие, как говорится, зашло в тупик.

– А тебя, значит, озарило? – ядовито спросил генерал. – Двоих убили в белых костюмах, а вы уже систему в этом усмотрели! Да я вам на память десяток человек назову, которые предпочитают светлые тона в одежде, а между тем ходят живые-здоровые!

– Ну, убили, положим, не двоих, а троих, – хладнокровно заметил Крячко. – А может, и больше. Статистики-то в этом плане никто не вел. Напрасно, по-моему. Какая-то система в этом все равно присутствует.

– Кто третий? – деловито спросил Гуров.

– А третьего подстрелили майской ночью в Марфине около железной дороги. Там свидетелей не было, но, судя по всему, опять была стрельба и изрешеченный труп в белом костюме. Между прочим, убитый был какой-то учитель из Калуги. Никаких связей с криминалом. В Москву приехал, как

и Григорьев, в надежде подзаработать. Но прожил здесь не больше месяца.

– Совпадение, – проворчал генерал.

Гуров покрутил головой и убежденно сказал:

– Совпадения, как правило, тщательно готовятся! Ты, Стас, молодец, что раскопал эти факты. Какие-нибудь результаты расследование дало?

– Пока ничего, – сказал Крячко. – Как и в нашем случае, не удалось нащупать никаких связей погибшего ни с каким преступным бизнесом. То есть приехал человек из глубинки, надел белый костюм, и его пристрелили. Абсурд!

– Абсурд, – согласился генерал.

– Нет, что ни говори, а какая-то неясная система здесь прослеживается, – возразил Гуров. – Смотрите, три случая перестрелки. И в двух случаях в ней участвуют совершенно безобидные люди, откуда-то приехавшие в Москву на заработки. По третьему случаю не все ясно, но я уверен, что и там нечто похожее. Не исключено, что этих людей вовлекли-таки в преступную группировку, заманив высокими заработками. Потом что-то не заладилось, и новообращенные восстали. С ними расправились.

– Может быть, светлые костюмы – какая-то фишка? – предположил Крячко. – Надо закинуть удочку. Что-то я пока ничего такого не слышал, но ведь все в мире меняется. Может, у нас тут новая группировка появилась – вся в белом?

– Вообще-то белое на Востоке почитается за цвет смер-

ти, – задумчиво сказал Орлов.

– А если допустить, что так оно и есть? – спросил Гуров, размышляя вслух. – Вот как раньше – пираты присылали провинившемуся коллеге черную метку, а эти в знак неудовольствия наряжают будущую жертву...

– Не могу больше вас слушать! – генерал в сердцах хлопнул ладонью по столу. – Как дети, ей-богу! Я думал, они шутят, а они... Думайте, что говорите! Жертву наряжают! А она дура, что ли, наряжаться? И где это вы видели бандитов, которые такой ерундой будут заниматься? Раньше убитых хотя бы в цемент замуровывали, а теперь и на это время стараются не тратить! А вы тут теории разводите! Проще надо, конкретнее... Сосредоточьтесь на линии этого Григорьева. Выясните, что за человек, с кем в Москве контактировал. Поезжай в Пензу, Лева, жену его разыщи. Миссия не из приятных, конечно, но ты сам напросился...

– Все верно, напросился, – сказал Гуров. – И съездить в Пензу придется однозначно. Но простоты, Петр, не обещаю. Сдается мне, дело это отнюдь не простое. Идет какая-то серьезная игра, правил которой мы пока не знаем. Будем думать.

– Вот-вот, думай! – кивнул Орлов. – Только про следователя не забывай. Ты не один умный.

– Не один, конечно, – улыбнулся Гуров. – Стас вот еще...

– А Стас твой пускай, пока ты едешь, с информаторами разберется. Вдруг кто слышал про ваше убийство. Так, по-

моему, продуктивнее будет, чем разрозненные факты за уши притягивать.

Крячко развел руками.

– Желание его превосходительства – приказ для подчиненных, – со вздохом сказал он. – Только держу пари, наши стукачи ни черта об этой разборке не знают. Я того же мнения придерживаюсь, что и Лева, – какая-то тут непонятная игра идет. И факты эти только на первый взгляд разрозненные...

– Ну, понял, понял! – поморщился Орлов. – Умным тебя объявили, так ты теперь и будешь стараться оправдать высокое звание... Посмотрим, какие вы умные!..

– Посмотрим, – согласился Гуров. – Только у меня одна просьба будет. Надо бы все-таки прощупать этого гаишника – лейтенанта Сиволапова. Только потихоньку, чтобы не насторожить. Ты ведь, Петр, сможешь договориться с его начальством, чтобы нам копию личного дела предоставили, широко не афишируя, конечно.

– Это не проблема, – ответил генерал. – Вот, кстати, насчет этого Сиволапова я с тобой, Лева, согласен на сто процентов. Его присутствие в чужом районе, да еще на месте убийства выглядит очень подозрительно. Может быть, его допросить стоило бы? Между прочим, полагалось бы! А ты опять до следователя известные тебе факты не довел?

– Не то чтобы не довел, – уклончиво проговорил Гуров. – А посчитал преждевременным. Хотел убедиться...

Генерал погрозил ему пальцем.

– Ох, доведешь ты меня! – предупредил он. – Последний раз чтобы! Стас пускай тебе за билетом отправляется, а ты сейчас же садись за бумаги, и чтобы сегодня же представил план оперативно-розыскных мероприятий, безо всяких купюр и умолчаний, понятно?

– Чего ж тут не понять? – скучным голосом ответил Гуров. – Контора пишет – это про нас.

Глава 6

Пенза показалась Гурову городком тихим и благополучным, по самые крыши утонувшим в зелени деревьев. Все здесь происходило будто раза в полтора медленнее, чем в Москве: неторопливо шли по тротуарам пешеходы, едва полз по мостовой транспорт, и даже голуби с воробьями, кажется, летали медленнее своих московских собратьев.

Гуров понимал, что это мимолетное впечатление обманчиво, и здесь тоже есть свои проблемы – маленькие, большие и вовсе неразрешимые, и жизнь здесь далеко не такая тихая и приятная, как это может показаться на первый взгляд. Просто ему некогда было углубляться в местные реалии – ему важно было как можно быстрее установить, что связывало пензенского уроженца Григорьева Павла Сергеевича с загадочными личностями, которые расстреляли его посреди московского двора.

Пензенский адрес Григорьева у Гурова имелся. Он быстро выяснил, где находится нужная улица, и без задержек отправился туда.

Когда он добрался до отдаленного района, застроенного унылыми пятиэтажными домами, наступил полдень. Гуров не был уверен, что застанет в такое время хозяйку дома, но ему нужно было хотя бы убедиться в существовании семьи Григорьевых. Все-таки до сих пор это существование было

всего лишь гипотезой.

Он разыскал дом, где должны были проживать Григорьевы, поднялся на второй этаж и позвонил в сорок девятую квартиру. Дверь была простой, безо всяких украшений, с жестяным номером.

Открыли ему почти мгновенно – Гуров даже слегка растерялся. На пороге стояла женщина лет сорока. Именно ее лицо он видел на семейных фотографиях Григорьева. Правда, на снимках она выглядела гораздо моложе. Но сомнений не оставалось – это была она.

На женщине был заношенный домашний халат, волосы не прибраны, но на измученном бледноватом лице Гуров прочел необычайное волнение – можно было держать пари, что она кого-то ждала – с нетерпением и надеждой.

«Увы, надежды уже никогда не сбудутся, – подумал Гуров, мрачней. – А гонцам, приносившим такие вести, как ты, Гуров, отрубали раньше голову».

– Здравствуйте, – сказал он. – Ваша фамилия Григорьева?

Женщина уже поняла, что ошиблась. В ее глазах мелькнуло разочарование, и она некрасиво сморщилась, точно собираясь заплакать. Гуров испугался.

– Да, все верно, я – Григорьева, – тем не менее спокойно ответила женщина. – А вы ко мне? – И Гурову показалось, что в ее голосе прозвучало любопытство.

– Получается, что к вам, – сказал Гуров.

– Ах, что же мы тут стоим? – спохватилась женщина. –

Проходите в квартиру. Можете не разуваться – у меня грязно. Не возражаете, если мы поговорим на кухне? У нас квартира однокомнатная, а там у меня Славик спит... Сын у нас, знаете, болен, – прибавила она шепотом. – Да вы проходите!

Гуров вошел на кухню, где едва можно было повернуться. Хозяйка отряхнула стул полотенцем, усадила на него Гурова и в напряженном ожидании остановилась напротив него, сжимая в руках полотенце с голубыми цветочками.

У Гурова совсем испортилось настроение. Он опустил глаза, побарабанил пальцами по изрезанной крышке кухонного стола.

– Вы бы присели... Простите, не знаю, как вас зовут, – произнес он. – Моя фамилия Гуров. Лев Иванович Гуров.

– А я Екатерина Ивановна, – быстро сказала женщина. – Да вы не волнуйтесь, я постою... А вы случайно не от Паши?

Гуров сделал над собой усилие и поднял на хозяйку немигающий взгляд.

– Вы бы все-таки сели, Екатерина Ивановна! – жестко сказал он, ненавидя сам себя.

Женщина посмотрела ему в глаза, побледнела и без возражений села по другую сторону стола. Полотенце выпало из ее рук.

– Что-то случилось... – проговорила она едва слышно, и это был даже не вопрос.

– Вы меня простите, Екатерина Ивановна, – глухо сказал Гуров. – Но деваться некуда. Я должен сказать вам это. Павел

Сергеевич погиб.

Григорьева не шелохнулась. Только глаза ее стали совершенно отсутствующими, и из них в два ручья потекли слезы. Гуров угрюмо отвернулся.

Он слышал, как тихо всхлипывает женщина и под столом сжимал от бессилия кулаки. В его работе случались такие моменты, но привыкнуть к ним было невозможно. В такие минуты Гуров самого себя ощущал убийцей.

– Простите, – неожиданно пробормотала женщина. – Вы не обращайтесь на меня внимания. У меня чуть что – слезы. А вы, наверное, по делу пришли... По правде сказать, я этого ждала почему-то... Что с Пашей случится плохое. По ночам не спала, свыкалась с этой мыслью. Даже когда он на днях позвонил и сказал, что все в порядке, я все равно ждала только плохого. Это как судьба, понимаете? Хоть из кожи вылезь, а не отворишь ничего... Вот и Славик тоже у нас... Да ладно, зачем это вам!.. Простите еще раз!

– Это я должен просить у вас прощения, Екатерина Ивановна, – сказал Гуров. – За горькую весть. И еще за то, что должен, как ни в чем не бывало, задавать вам вопросы...

– Вопросы? – словно удивившись, спросила Григорьева. – Пожалуйста, задавайте, если вам нужно... Только можно сначала узнать, а что... Как Паша... погиб? – У нее перехватило дыхание.

Гуров мучительно наморщил лоб и сказал:

– Наверное, я с самого начала избрал не совсем правиль-

ную линию поведения, Екатерина Ивановна. Мне нужно было яснее объяснить цель своего визита. Ваш муж погиб в Москве от бандитской пули. Я из милиции, веду расследование этого убийства. Вот мое удостоверение.

Григорьева едва взглянула на красную книжечку, и в голосе ее появилось странное беспокойство.

– Так вы, значит, не от Паши? – непонятно сказала она и судорожным движением ухватила за ворот халата. – Ах, ну да, вы из милиции... Его убили бандиты? Его ограбили?

Гуров поднял брови.

– Простите, а у Павла Сергеевича было что взять? – спросил он.

Женщина замялась. На лице у нее появилось такое страшное разочарование, какого не было даже в тот момент, когда она слышала о гибели мужа. И вдруг она заплакала.

Теперь она рыдала по-настоящему, уронив голову на руки и не обращая ни малейшего внимания на присутствие постороннего человека. Гуров попытался ее успокоить, но Григорьева никак не отреагировала на эту попытку.

Успокоилась она так же внезапно и, подняв некрасивое, распухшее от слез лицо, спросила срывающимся голосом:

– Так вы уверены, что его не ограбили? У него должны были быть деньги! А если эти деньги взяли в милиции?

– Стоп-стоп-стоп! – сказал Гуров. – Эдак мы с вами неизвестно куда зайдем. Давайте все-таки сначала я задам вам несколько вопросов, ладно?

Она согласилась. Гуров достал из кармана фотокарточку и положил на стол перед хозяйкой.

– Сначала формальности, – сухо объяснил он. – Вы подтверждаете, что на этой фотографии изображен ваш муж – Григорьев Павел Сергеевич?

Григорьева придвинула снимок мизинцем и вытерла рукавом заплаканные глаза.

– Да, это он, Паша, – ответила она. – Такую фотографию он делал, когда менял паспорт.

– А чем болен ваш сын, Екатерина Ивановна? – спросил Гуров.

Она отвернулась, видимо, стесняясь своего заплаканного лица, и безнадежно сказала:

– У него злокачественное заболевание крови. Нужна операция в Германии. Говорят, там это лечат. Но на лечение требуются большие деньги. Сто тысяч долларов. Мы пытались обратиться к богатым людям, но... В общем, нам дали понять, что никто не виноват в болезни нашего ребенка. Это правда, мы с Пашей сами виноваты. Еще при советской власти мы начинали работать на секретном химическом заводе, на Урале... Мы ведь оба – инженеры-химики. Нас предупреждали умные люди, что это может отразиться на детях... Но в молодости не слушают умных людей... Нам еще повезло, что мы успели переехать сюда и получить эту однокомнатную квартиру. Задержись мы еще чуть-чуть, и при новых порядках нам достался бы шиш с маслом. Жаль только, что

квартира эта не стоит ста тысяч долларов, – горько усмехнулась она.

– А ваш муж поехал в Москву, чтобы заработать эти деньги? – спросил Гуров. – Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее!

– Да что рассказывать? – пожала она плечами. – Сначала он поехал в Москву без определенной цели, наудачу. Надеялся разыскать институтских друзей – не все же такие неудачники, как мы... Взял отпуск и поехал.

– Когда это было? – спросил Гуров.

– Это было в июне. Пробыл недолго – через неделю уже вернулся, возбужденный какой-то и в то же время будто расстроенный. Сначала ничего не рассказывал, все в себе носил. А потом рассказал, что никого из друзей разыскать не смог, но зато встретил одного человека, который предложил ему хорошо заработать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.